

Матвей
КОРГУЕВ

ОСТРОВ ЗОЛОТА

сказка

Рисунки Тамары Юфа

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был прожиточной крестьянин, и долго у него не было детей. Потом она уж стали не молоды, и родился у них сын. Когда родился сын, то сначала мать сына своего очень любила, и жалела, и ласкала его, и воспитывала как можно лучше. А отец и тем больше. Вот когда он начал расти, выучился в грамоту, уж было ему лет тринадцать, тогда она его не залюбила. И до чего не залюбила, стала ненавидеть и говорит своему мужу:

– Девай сына куды хочеш, а я его на глазах терпеть не могу. А то я сама на себя обрушусь и кончу свою жизнь.

И стала своему мужу надоедать. Он не мог вытерпеть наконец и сказал сыну своему:

– Ну, сынок, давай поедем с тобой хоть охотитьце.

Он ответил:

– Давай, папаша, поедем.

Забрали съестных припасов и поехали на лодки на один остров. И остров этот был очень чудной, и он не знал этого, какой остров есть. Когда она приежжают на лодки на этот остров, то сказал сыну своему:

– Вот мы пойдем по берегу, токо я пойду в одну сторону, а ты поди в другую.

Вышли на гору, конечно, сын берет ружье, а отец другое, и пошли один в одну сторону, а другой в другую. Ну, сын не знал никакой злоумышленности в отци своем и што у них с матерью происходило. Ему не дано было знать, это все происходило дело тайно.

Так. Топерь он немного подошел и видит: отец прибегает к лодки, берет лодку и поехал. Оставил одного его на острове. Когда он прибегает на то место, где стояла лодка, то смотрит – торбочка висит на елки, а уж лодки и след простыл. Так он, конечно, заплакал и сказал:

– Ну, наверно, меня бросили на гибель родные, наверно, я один на острове. Ну, есть у меня небольшой запас, ну, все ровно мне-ка с этим запасом не жить.

А дело надвигалось уже к вечеру, и он никуда не смел дальше идти по берегу, хотя и было у него ружье. Вот начинает смеркатьце и зделалсе узашной рев на этом острове, што страшно было стоять. Он и забоялсе.

– Ну, топерь, наверно, я погибну.

И отыскал толстое дерево и начал лезти в это дерево. Вылез он в это дерево, и стон и крик и шум на этом острове продолжалсе до самого утра. Ну, на утро стало немного поспокойнее. Но к нему никто не пришел. Когда уж совершенно россветилось, тогда он начал спускатьсе с дерева.

– Уж все ровно надо сойти с дерева.

Вот спустился с дерева и думает:

– Што топерь мне-ка делать?

Немного подумал:

– Давай, – думат, – немножко закушу, а потом пойду посмотрю по этому острову, што за такой стон и рев, все ровно я привезен на этот остров для гибели.

А пока было смирно. И так решил и пошел ставить в высокую гору. Он вылез в эту высокую гору и идет по большой равнины. И видит – дерутьце два чорта без стону, а ночью обеи стонут, то есть черт и леший дерутьце. Оне были двоюродные братья, делили отцевско имущество: заповедно зерькало, и дрались оне с ним сто лет и поделить его поровну не могли, потому што оно было одно. Ванюша уж думат:

– Надо подойти ближе!

И подошел очень уж близко. Но он их не знал, што они таки за люди. Когда увидал этот леший и закрычал:

– Ванюша, спаси меня от своего двоюродника, я тебе дам гору золота.

А на ответ этого слова крычит черт:

– Ванюша, спаси меня, я с тобой весь капитал поделю отцевської и своим поделюсь, токо спаси меня.

Топерь он и думат, не знаэт, которого стрелить, а уж которого-нибудь надо. И решил этого лешего стрелить, которой посулил гору золота. Как Ванюша начелил ружье свое, как молодецькая пуля легла лешо-му в грудь, так лешой упал на смерть, то сицяс подходит к нему черт:

– Ну, Ваня, молодець, угадал, которого стрелить. Теперь ты будеш щастлив. А топерь иди на старо место, где тебе отец привез. У тебя есть запасы, обживи сутки, а потом тебе всего будет, што токо пожелаеш.

Этот чертенюк скрылсе, а Ванюша пошел на то место, где его привез отец, открыл свою сумоцьку, начал обедать. Так. Вот он пообедал, лег спать и проспал тот день весь до вецера, ничего больше не слышал. Вот пришел вецер, конечно, спокойно было на острове. Ванюша роскрыл огонь, костер и сказал:

– Ну, я топерь ницего боятьце не буду, у меня есть товарищ на острове, которой мне все это обещал уплатить.

Вот он розвел костер, обклял хвоем вокруг себя, штобы его не проведало ветром, и лег спать спокойно, ни об чем больше не думая. Вот уже россветело, и он думает:

– Нет моего товарища; никакого ответа, долго ли я здесь буду жить, ни знаю.

Потом немножко полежал, как оглянулсе назад, то

смотрит – назаду уже стоит большой дворец, а кругом сад, и он пошел к этому дворцу. Приходит во дворец: стоит на столы пища, всево довольне, на што только зглянеш, садись и еш. Иван за стол, с радости поел и лег отдыхать на диван.

Вот он немножко полежал, открылись двери, и приходит этот самой товарищ, которого он спас. Это был сам чорт. Ну, и сказал ему:

– Здравствуй, Ваня.

– Здравствуй, здравствуй, не знаю, как тебя звать.

– Зови меня чертенком, я есть сам чорт, острову хозяин. Было нас двое, ну этого уж топерь не стало.

Он спросил его:

– Ну, как, Ваня, как тебе топерь жить? Есть ли у тебя пищи или како ли жилище или веселье, как думаеш про себя, можно ли здесь жить или нельзя?

Да. Вот он отвечает:

– Жить, товарищ-друг, можно, но дело в том, што скучно жить на таком необитаемом острове одному. Сам знаш, очень скучно, потому што нет никого, да же животной, какой-нибудь собаки или кошки.

– Ну так што же, друг, в чем же дело, тогда тебе надо товарища, и то можно сделать. Да кого ты жалаеш, скажи мне-ка? Может, ты жалаеш жонитьце? Как ты себя щыгаеш, молод или нет, можеш ли жонитьце? Если ты пожалаш жонитьце, где бы ты ни задумал, я тебя везде женю и помогу, што бы ты хочеш только. Жалаеш, на какой-нибудь чаревны жоню и на коровлены жоню и где ты токо хочеш, и будет тебе жить весело.

– Дак вот, друг, мне токо от роду еще исполнилось семнадцать лет, пора ли мне еще жонитьце?

– Ну, можеш жонитьце, так и быть. Ну, жоню тебя на одной чаревны и сделаю тебе золотую лодочку, на которой будете кататьце по этому озеру. Токо от меня никуда не уежжай, и будеш щастлив.

Тогда чертенок ушел, а Иван положилсе спать до утра. Когда Иван проснулсе, то видит – по комнатам такая ходит красавица, што прямо в глаза посмотреть не можно. Потом Иван увидал, што ходит красавица, подбегает к ней, конечно, берет ее за руки, почеловал, ведет в свою комнату. Красавица ему смотрит в глаза и говорит:

– Да, была я в чарстве чарская дочь и в эту ноч образовалась на каком-то острове за молодым человеком. А уж топерь делать нечего, надо жить.

Вот оне потом пришли в буфет и сели за богатой стол и стали кушать. И вдруг приходит его друг. Приходит и говорит:

– Ну, Ваня, топерь я вижу, ты уже стал жонатой, я тебя всем обеспечил, ну и живи, как знаеш хоро-

шенько, токо жоны своей всей правды не сказывай.

Вот оны живут с этой чаревной челой год, но он не знает, из какого она государьства, потому што это было все неведомо. Вот в одно прекрасное време берет он ружье и походит по острову прохаживатьце, в общем, не найдет ли какой-нибудь дичи. Вот он снаццала шол густым большим лесом, а потом стал вылезать на горку, и вылез он на горку. Вот идет по этой горы и по прислонам, и это место ему все кажет нехорошим, все горы и большие прерывы. Все идет и идет дальше. И потом увидал на одном склони дверь вроде пещеры. Пещера и вроде дверь. Так. И он подошел к этой двери, открыл и смотрит, сидит одна старушка в этой комнаты. Вон он наццал ей спрашивать:

– Скажи, баушка, давно ли ты живеш на этом острове, я тебя не видал, хотя я еще не долго живу, и, может, я здесь еще не бывал.

– Да, молодець, я живу очень давно. Я украдена была у одного купця дочь. И вот скончалсе у меня муж, и я осталась одна. Этот муж тот был, которого ты застрелил. Топерь слушай, Ваня, я тебе скажу: церт тебе еще того не дал, што обещал. Ты у него выпроси, а без этого тебе на острове жить нельзя. Он тебе все обещал, што токо ты жалаеш, и он тебе должно дать.

– Я не знаю, баушка, што. Мне жить хорошо покамест. Он меня жонил, я живу с молодой жоной, и все у меня есть. Што мне у него еще просить, не знаю, баушка.

– А вот што, Ваня, я тебя науцю, без этого тебе на острове все ровно плохо будет. Проси у него заповедно зерькало, ну, за которо они дрались, мой муж с цертом. И с этим зерькалом тебе все будет, што захочеш. Посмотрисье в него, оно тебе скажет. И он долгон дать, потому что обещал.

Тогда Ваня сказал:

– А если даст он, то я попрошу.

– Ну, конечно, даст, потому што он обещал.

Вот Иван с баушкой распостилсе, пошел домой. Приходит он домой к своей жоны, конечно. Поужинали, повалились спать. На уторо встали, чай попили, поехали кататьце на золотой лодочки. Приехали домой, конечно, пообедали, и он говорит:

– Как же мне друг долго в гости не идет.

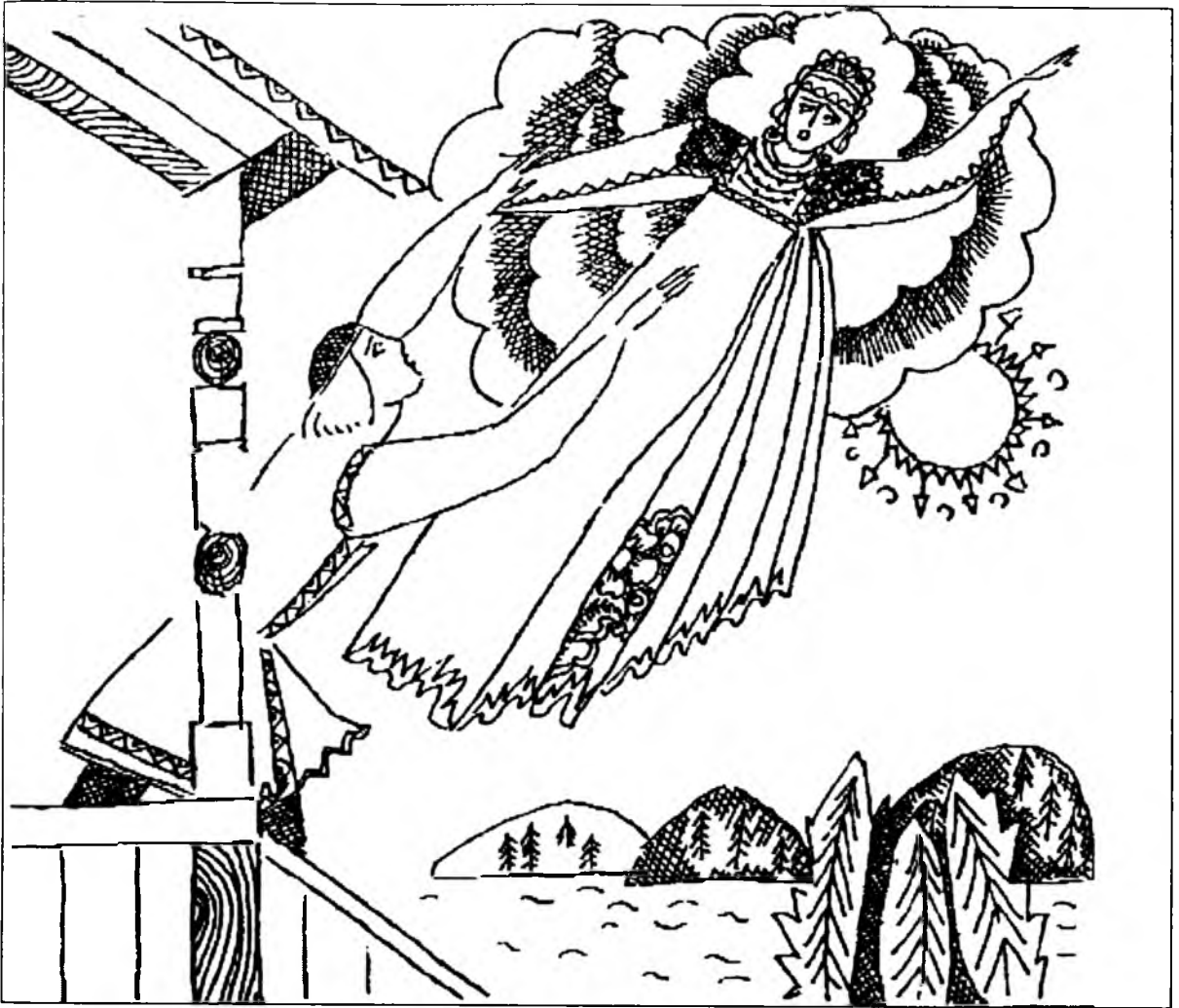
Вдруг ниоткуль возьмись он и приходит:

– Ну, што же, Ваня, как поживаш?

– Да ничего, так, живу хорошо, но дело в том, слушай, друг, я тебе все обьесню и буду просить, ты, наверно, мне не откажеш.

– Ну, конечно, не откажу.

– Так вот я тебе скажу. Слушай, друг, ты мне об-

ещал любимое, за што вы дрались со своим двоюродником, это волшебно зерькало. Отдай мне его, а мне оно может будет нужно.

Так. То он сказал ему:

– Ладно, Ваня, я тебе отдаю, но токо ты его не умееш держать.

– А почему?

– А просто так, и ты еще не знаеш про него, тебе, наверно, кто-нибудь сказал на острове, потому што ты стал у меня его просить. И тебе им, этим зерькалом, на острове делать нечего. Почему? Потому што у тебя все есть. Если тебе што надо, и все будет. Если надо родных, скажи мне, и я тебе их представлю.

– Нет, мне пока их не надо.

Потому что он озлился на свою мать и на отца,

как его бросили на этом острове.

– Дак так, друг, ты не хотиш мне отдать это зерькало, а обещал; сказал, все тебе отдам, што токо пожелаеш. Вот я жалаю, а ты не хотишь, отговариваеш меня в моей просьбы.

– Ну, ладно, Ваня.

Сицяс отстегаает корман, вынимает из кормана зерькало.

– Ну, Ваня, умеи токо держать, а после на меня не обижайсе, што слуцитце. Ты знаш, Ваня, однако, кажетце, видел, при твоих глазах мы с двоюродником дрались сто лет, што-то оно стоит. Ну, и помни, и храни его при себе. Не оставляй его ни на одну минуту без себя.

Вот Иван сказал:

– Ладно.

Тогда ушел от него черт. Вот Иван получил его и хранит его при себе всегдашнюю пору: днем и ночью. Ложитце спать, убирает его, не сказыват жоны про это зерькало. И она не знала.

Да. Вот в одно прекрасно време он уходит в лес, а она, жить ей, конечно, было хорошо, и она уходит в лес поинтересоваться, што это за остров. Вот она идет также по крутым горам, как и он шол. И увидела эту саму келью, как и он заходил. Вот когда она зашла в эту келью, видит баушку.

– Эх ты, красавица моя, два года уж скоро как живеш, а ко мне не разу не зайдеш. Опоздала, голубушка.

– Баушка, я и не знала, где ты жила, случайно набрела на твою келью и узнала, што ты есть, вот и пришла.

– А я-то живу видь уж знаеш сколько времени на этом острове? Уж не менее того, как петьдесят лет. И вот случилось твоему мужу приехать на этот остров, и он убил моего мужа, и я осталась одна. И не знаю, как мне попасть на остров, где я жила. И хоть нет уж, наверно, у меня родных, не осталось, но все-таки попасть бы мне в родной город. Я хош тебя не застала, как ты родилась, красавица, но знаю, из какого ты города, и я там же жила. И знаю, какого ты чарства, потому што мне это все известно. Ну, и скажи мне, прекрасная, што из двух выбираеш, жалаеш ли ты здесь жить со своим мужем или жалаеш увидеть своих родных и попасть в свое государство и такжи вывести меня отсюда?

Она ответила ей:

– Жить-то было бы здесь и ничего, но скучно без родных, жалательно было бы их посмотреть.

– Ну, а как думаеш, жалаеш своего мужа или нет или думаеш, может, его оставить?

– Я не знаю, баушка, как тебе сказать. Он еще молод и нигде не бывал и ничего не знат. Я же привыкла к своим городам и чарьству, а он ничего не знает. И я бы жалала его здесь оставить, лиш бы попасть в свое государство. Вот тебе и на, пожили!

– Да-к вот слушай, Настасья чаревна, я тебя, конечно, по отцу твоему знаю. Вот у твоего мужа есть такая вещь: есть заповедно зерькало. И вот карауль его, как он его оставит, бери его и принеси его сюда ко мне. И што только хочеш над своим мужем и сделаеш. Мы его здесь оставим и полетим в свое государство. Только с тем, штобы принести его мне.

Вот она роспростилась с баушкой, пошла домой. Муж уже был дома, ожидал ей, где она пропала. Вон он спрашивает:

– Ну, где ты, моя прекрасная Анастасия, была?

– Я была прохаживалась по острову да и заблудилась, но и, наконец, и пришла.

– Ну, ладно, ничего, давайте хоть будем што-нибудь йись.

Накрыла она стол, и сели кушать. Поели, конечно, проходит этот день, ложатце спать.

И так, стала она следить за этим зеркалом, куда это муж его прячет. Вот она все следит и смотрит. А он ложитце спать когда, то она видит, што он вынимает это зерькало и полагает его на полку. Когда оне легли спать, то утром стают со сна, и он утром пошол по обычаю в лес и забыл его совсем на полки. И вот она сичас берет это зерькало и в ту же минуту отправилась к этой баушки. Когда принесла это зерькало, баушка в то же время взяла его в руки, посмотрела в него и задумала:

– Што бы в ту жи минуту перетащить чаревну и меня в то же чарство, в котором и жили.

И вот она потом у нее спросила:

– А што ты жалаеш еще сделать над своим мужем?

– А я не знаю.

– А я вот то думаю. Хоть твой муж пусть и не причинной, но я отомщу им обоим, потому што убили они вместе моего мужа. Я думаю так. Затопить этот остров водою, и пусть они с чортом погинут.

Так старуха посмотрела в зеркало, и задумала, и так было сделано.

И вдруг ни откуль ни возьмись полилась вода, пошол стук и крык, трескоток, и остров начал тонуть под воду. Иван увидал, што бежит вода, и нацял подниматьце в гору. Вот Иван все бежит, а вода и за ним вслед. И он на таку високу гору вылез, што уж выше нет. Только на горы еще стоял один камень, повыши горы. И вдруг вода уж полилась к камню. Иван полез на самой камень, а кругом острова уж была вода.

И думает:

– Наверно, погиб я!

Когда вылез Иван на этот камень, то кругом этого камня облилась вода, стала в пол-камени. Он тогда и заплакал:

– Ну, я-то пропал, а где-то у меня и друг пропадает.

Вдруг видит, пловет ему к камня кошка. Приплыла кошка, вылезла на камень и говорит:

– Ну, Иван, я долго не давал зерькала, говорил, што тебе не удержать будет. Вот и пришла нам топерь обим гибель. Ну да ладно! Я знаю топерь, кто это делал. Это моя старшая невеска дворяродница сделала. А далеко нам топерь будет искать. Она сказала тебе, а топерь и твоей жоны. Топерь знаеш што, Иван, сичас

пловет корабь. И вот просись на этот корабь, тебя возьмут, токо меня брать не будут. А ты скажи: “Уж коли возьмите меня, то возьмите и мою кошку, а уж коли и кошку не возьмите, то не берите и меня”. И они возьмут, а уж мы там не погибнем, коли нас возьмут.

Вот немножко подождали, и вдруг идет корабь. Ваня начал махать платком, корабь стал подвигатьце ближе. Подходит корабь и дает ему трапку.

– Заходите!

И он подходит, и за ним кошка. Капитан говорит:

– Нет, нет, кошку не возьмем, такое чудовище.

– Так слушайте, товарищи, если возьмите меня, то и

кошку, а если не возьмите кошку, то не берите и меня.

Капитан немного подумал:

– Ну ладно, чорт с ней.

Вот оне взошли на корабь. Вот когда взошли на корабь, то капитан подошел к нему.

– Ну, друг, скажи, кто ты такой ешь и как вы очутились на камне?

Он отвечает:

– Зовут, конечно, меня Иван, а очутился на камне случаем. Был остров, и пало наводнение, покрыл остров водою, вот таким путем я очутился на камне.

– Ну, дак топерь скажи, как твоя специальность, што

ты можешь стать работать или какого жалаешь ремесла?

И вдруг шепчет ему кошка:

– Берись поваром, у них нет повара, а уж я тебе все сварю, што надо.

Вот он и говорит:

– Правда, ремесла сеяся не знаю другого, я в прежнему пору был поваром и сеяся бы стал бы, это моя специальность.

Вот капитан:

– Вот и хорошо, как умеешь поваром. А у нас случайно нет повара уже третий день, потому што случайно кок погиб, вот и можешь стать поваром.

Капитан еще спросил:

– Ну, каку ты жалаеш чену?

Чорт шепчет ему:

– Не рядись, и так нам хватит денег. Скажи: “што дайте, то и ладно”.

– Ну так вот, вот твоя кухня, тут тебе котлы, тарелки, чайники, вилки, ложки и все на свете есть. Вот кладовка, тут продукты. Топерь дальше. Вот твой обед, чай и завтрак, три раза в сутки, а остальное кто как жалает.

Он, конечно, взялся и думает:

– Как стану варить? Черт е знает, потому што я и котла редко видал в глаза.

А черт и шепчет:

– Чего ж ты думаеш? Тут и варить тебе не надо будет, все готово. Когда спросят чай, то ударь по чайнику ложку, или спросят завтрак, все ровно. А когда обед закажут, приходи, ударь чумичкой, и будет готово, только знай розливай.

Топерь вот оны идут месец, два и три, и так плывут уж полгода. И Иван продолжает свою роботу. Вот все матросы, капитан и штурмана очень хвалили Ивана, благодарили за его роботу, што он очень хорошо приготавливает.

И вот приплывают в тот же город, в котором городу чаревна есть и старушка. Вот приплыли, встали к стенке. И вдруг еще идет двенадцать кораблей, тоже стали к стенке. Вот эти все капитаны, когда приплыли, собрались все вместе советовать друг с другом. Потом дошло у них до поваров, што кто у кого какой повар и чего стоит. Дошло до того капитана, на котором судне и этот Иван. Стал капитан говорить:

– Есть у меня повар, таких поваров редко у кого есть, потому што он из нищего, а уж сделает так заеденье.

И вот эти капитаны и сделались так:

– Так вот што, товарищы, пусти эти повара делают обед, кто из скольких блюд может сделать, а потом мы узнаем ихну практику.

Вот эти капитаны как сговорились, так приказали поварам делать кто што может. Первой сделал из трех, другой из шести, а уж третий с девяти. И больше двенадцети блюд никакой повар не мог делать. Ну, и дошла очередь до Ивана. Вот пришел капитан к нему:

– Вот слушай, Ваня, со сколько блюд ты можешь обед сделать?

– А я не знаю.

И шопчет ему кошка:

– Скажи, мы сделаем со шестнатцети.

– Вот и молодець, как сделаеш, отличиссе от всех поваров. А топерь скажи мне, сколько тебе нужно денег и чего закупить?

Топерь говорит ему кошка:

– Вот слушай, Ваня, денег ты у него бери три рубля и пойдеши закупать, бери корзинку, токо меня не оставляй. Вот мы зайдем с тобой в магазин, я скоро скою на полку и сломаю графин. Меня нацнут бить, гонять, а ты скажи: “Нет, не бейте моей кошки, а сколько он стоит, я заплачу”. Оне скажут: “Рубель стоит”. Ты отдай денег рубль и скажи: “Дайте я соберу стекла в корзинку”. И собирай, выходи из магазина. Вот зайдем в другой магазин, я таким же путем заберусь на полку и строну другой графин. Такжи меня будут бить, гонять. Таким же путем скажи: “Нет, вы ей не бейте, я заплачу”. И собереш стекла и выходи из магазина. А потом зайдем в третий магазин и таким же путем я заберусь на самую верхнюю полку и сброшу оттуда хрустальное блюдо. Начнут меня бить, гонять. Ты скажи: “Нет, не бейте”. Плати, сам оббирай стекла и выходи из магазина. А потом придем на корабль и будеш готовить.

Топерь он и говорит хозяину:

– Вот мне-ка нужно три рубля.

– Ну што ты купиш на три рубля?

– Больши мне не надо.

Капитан дает ему деньги, и он пошел в город с кошкой вместе. Вот так и зашли в первой магазин. Заскоцила кошка на полку, бытто за мышкой, и сронила оттуда стеклянной кувшин. Потом прикашики увидели такую пакость, стали гонять, бить и ругатьце. А он увидал и сказал: “Нет, товарищы, вы не бейте моей кошки, я, сколько надо, уплачу и даже соберу стекла”.

Прикашики сказали:

– Рубль стоит.

Он отдал, нацел собирать стекла, собрал и вышел из магазина. Идет ко второму. Приходит во второй, таким же путем кошка сронила стеклянную бутылку. Прикашыки начали ругатьце, гонять ей и говорят:

– Какая пакость, наделала нам тут!

Он говорит:

– Вы не бейте моей кошки, а сколько надь, я уплачу.

Отвечают прикащыки:

– Отдай деньги.

Он отдал, собрал стекла и вышел из магазина. И приходит уж он топерь в третий магазин. Кошка забралась на самую верхнюю полку и сбросила блюдо. Вот эти прикащыки россерчали, стали ей гонять:

– Вы, товарищы, не бейте моей кошки, я уплачу.

Сколько стоит?

Оне ответили:

– Рубь.

Он заплатил, начал собирать стекла и вышел из магазина. И вот оне идут, кошка ему и говорит:

– Ну, топерь мы все закупили, што нам нужно для обеда, у нас все на корабли. Ты думеш, Иванушко, на три рубля мало можно закупить? Можем хоть все двенатцеть кораблей, пусть придут к нам, мы можем накормить, и еще останетце, а только придут двенатцеть капитанов.

Вот пришел на корабь и его спрашивает каптан:

– Ну, как, Ваня, закупил?

– Да, закупил. Пойдите, посмотрите, што я закупил.

Капитан пришел, посмотрел в его кладовой, а тут и глазом не овведеш.

– Ну да, порядошно ты закупил, и как это ты все мог закупить?

Кошка и шепчет ему:

– Ты сецяс ему ничего не говори, а ответь токо несколько слов.

Вот он и говорит:

– Господин капитан, я тебе про это потом скажу, а сецяс мне-ка некогда, роботать много надо, пригото- влять обед.

Он и говорит кошке:

– А теперь, друг, как мы станем делать, ты мне-ка скажи, ведь я ничего не знаю про это дело.

И говорит ему кошка:

– Иван, ты про это не печалуйсе, только подходи к кострули, ударь чумичкой и розливай на перьвое блюдо. А потом так и ходи, а уж у меня все будет пригото- влено на разные блюда, только знай розливай да- ржноси, а уж об остальном о всем не печалуйсе.

И потом начали все капитаны собиратьце по уго- ворке, как уж он всем капитанам обносил. Потом ска- зал капитан:

– Ну, Ваня, начинай подавать обеды.

И вот он приходит к кострули, ударяет чумичкой и так подает перьвое блюдо. И начал продолжать

дальше. Вот он носил все до двенатцети, а потом спросили Ивана:

– Еще сколько можеш подать?

Он ответил:

– Я могу подать до шестнатцети, но больше пока не подаю, мне не приказано.

Вот Иван все подавал до шестнатцети. Окончил он обе- ды. Да. Потом капитаны приказали зйти Вани в каюту. Вот он приходит в каюту, и стали капитаны благодарить его и дарить ему подарки. А ему заране кошка сказала:

– Ты подарков не бери, а бери только похвальной лист.

Вот он когда пришел, капитаны стали его дарить разными подарками. Он и говорит:

– Нет, товарищы, мне ваших подарков не надо, а вы напишите мне похвальной лист, штобы я во всяку пору мог поступить куда угодно поваром. Это для ме- ня будет лучше.

Вот капитаны на это согласились, написали ему похвальной лист.

– Вот, Ваня, коли жалал.

Он получил, пошел обратно к кошке. Когда эти го- сти все разошлись, пришел капитан к Ване и говорит:

– Сколько тебе, Иван, надо денег, и я тебя отпущу в город, гуляй хош три дня.

А ему уж заране сказала кошка:

– Бери токо шестьдесят рублей, нам больше не надо.

Вот капитан подает ему шестьдесят рублей. Ваня берет деньги и вышел с корабля вместе с кошкой. Вот идут по городу. Кошка ему и говорит:

– Вот, Ваня, мы топерь зйдем в магазин и купим гармошку, котора стоит петьдесят пять рублей.

Вот и оне пришли, уж в то время повернулсе черт вместо Ивана, а Иван сделалсе кошкой. Да. И вот за- шли в магазин. Вот он и говорит прикащыку:

– Покажите мне-ка гармошки.

Тот нацял выкидывать, каки у него были, и сказыв- ать чену. И вот чены он ему сказал, от петидесети рублей и до тышеци рублей.

– Нет, – говорит, – мне таких гармошек не надо, мне надо токо за шестьдесят рублей.

Вышел из того магазина, вошел во второй, опеть спросил прикащыка:

– Покажите мне-ка, прикащык, гармошки и скажи- те чену.

Опять же прикащык выкинул гармошки и сказал чены:

– У нас чены таки-то от ста петидесети рублей и до двухсот петидесети.

То чорт сказал:

– Нет, мне таких гармошек не надо.

Зашол в третий магазин. И приказал опеть же выкинуть гармошку. И он выбрал гармошку за шестьдесят пять рублей, а у него денег шестьдесят, а стоила шестьдесят пять. Вот и говорит прикащыку:

– Вот, отдай мне за шестьдесят рублей эту гармошку, то я куплю.

– Нет, у нас таких чен нет, штобы тебе отдать за шестьдесят, она стоит шестьдесят пять.

– Ну, тогда дай хоть я сыграю на ней, а потом подумаю, может, куплю.

А уж чорт знает. Прикащык ему розрешил. Чорт берет гармошку, начинает играть. Как заиграл, то все прикащыки заплясали и посуда, и все гармошки, как были в магазине, заиграли. Поиграл чорт немного и кончил. И сказал прикащыку:

– Ну, отдай за шестьдесят.

– Ну, ладно, коли ты так играл, ну, получай.

Чорт взял гармошку и пошел из магазина, а кошка ему вслед. Вот идут оне по городу, чорт и говорит Ивану:

– Вот я сецяс сыграю.

А публики в городе было столько, што пройти было очень трудно. И вот как цорт только заиграл, то весь народ заплясал, и лошади, автомобили остоялись, все стояло, никто никуда не шол, только тонцевали. Потом узнали такого хорошего игрока, и запретили его, штобы народ не стоял по панелям и не плясал; штобы он больше не играл, а иначе будет наказан. Чорт замолчал играть.

– Ну, пойдем дальше. А потом нас бросят в такую большую пропасть, штобы нам не выйти оттуда; все ровно мы выйдем. Когда нас бросят в пропасть, а уж нам все ровно надо идти, а там мы розыщем, зачем мы пошли.

И вот идут немного, и опеть чорт заиграл. Когда он заиграл, публика остоялась, лошади и автомобили. Тогда пришло войско салдат, взяли и повели его к этой ямы вместе с кошкой. Когда привели и толкнули его в эту пропасть, чорт и говорит:

– Ну, Иван, топерь мы здесь, вот чудо-то и надо найти, тогда дело будет хоршее.

Вот уж когда чорт обернул опеть же Ивана, а сам кошкой и начал бегать по ямы. Долго он бегал по ямы, ницего не нашол, а потом каким-то путем нашол крысу, котора ему нужна была, и принес к Ивану. Принес и говорит:

– Ну, крыса, послужи мне-ка службу, у тебя есть, крыса, мышей много, а потом я тебя отпущу.

Крыса немного подумала.

– Только ты меня отпусти, а уж я тебе сослужу, што ты жалаеш.

– Нет, ты вызови своих мышей и крыс, и когда только вы исполните это все, тогда только я вас отпущу. Ты не бойся, я тебе ничего плохого не сделаю.

Сияс же крыса велела выбежать мышам, а также крысам. Мышей и крыс набралось видимо-невидимо, а она была старшей у них. И оне закричали все в голоса:

– Отпусти нашего хозяина, мы тебе сделаем и сослужим што только хотиш.

Вот и говорит Иван мышам:

– Вот, робята (а уж чорт ему заранее сказал), вы прогрызите три стенки, а там есть небольшая комната, а там старушка, а у ней небольшое зеркальце. И она хранит его под подушкой. И она никогда не спит, штобы оно не потерялось. Вот принесите мне его, а у вас зубы вострые, вы прорытьце и прогрызть можете.

Мыши и крысы все ответили:

– Ну, ладно, коли так, то мы сделаем.

И все побежали на это дело. Иван осталсе со своей кошкой и с крысой. Вот оне и начали прорыватьце в перьвые стены и в подземелье и знали, где-ка эта старушка живет. И пробрались до этой избушки, где лежала старушка, хотя не спала. Крысы кряду же бросились к этой старухе на шею и загрызли ей, а это зеркало понесли. Когда принесли это зеркало, дали Ивану, то он отпустил эту крысу последнюю, поблагодарил. Тогда Иван говорит:

– Ну, што мы топерь будем делать?

– А мы топерь пока выйдем из темницы, а потом заворотим на корабь, а потом узнаем, што нам еще надо делать.

Вот церт сияс задумал, штобы эта пропасть распалась, штобы они моментально очутились в городе. И вот эта пропасть распалась, и оне спокойно пошли на корабь. Вот заходят оне на корабь, капитан и спрашивает:

– Ну, Ваня, как в городе погулял?

– Да погулял хорошо, што нужно, то я и сделал.

Тогда цорт сказал ему:

– Ты скажи капитану так: “Ты мне дай рошет, а я с тобой жить не буду, поступлю лучче в город поваром”.

– Ну, и што же, Ваня не живеш, так насилу уж не держат.

Отщытал ему деньги, подал.

– Ну, Ваня, хорошо кабы ты еще пожил, у нас команда топерь тебя часто будет споминать.

– Вот я вам после этого сварю еще один обед, покушаете все вместе, и потом уйду.

Капитан был очень рад.

Он подошел к кострюли, как шолкнул токо чумичкой, обеды уже были готовы. Начал просить капита-

на, и этот капитан пригласил его, самого Ивана, вместе с кошкой на этот последний обед. И он пришел. Когда он пришел, и говорит:

– Вот што, капитан, я купил гармошку.

– И хорошо, Ваня, умеешь играть?

– Да, немного умею.

– Так вот, я просил бы, штобы ты сыграл в эту гармошку.

То он подает чорту гармошку, чорт в ту же минуту обратился человеком и сел играть. Как услышала команда, также и капитан, начали тончевать и тончуют

челых два часа, и корабль качает с боку на бок, и не знай, што творище на корабле. Когда он начал играть, то на всех кораблях матросы заплясали и начали съезжать к капитану, даже съезжались, то в лодках гребли и плясали. Когда зашли на палубы, то не спрашивая ничего начали тончевать. И зашли капитаны вместе с матросами на палубы, все остоялись. Когда остоялись, капитан и говорит:

– Ну молодець, Ваня, ты хорошим можеш быть музыкантом, жалко токо, што уходиш.

Вот Ваня попрощался с капитаном, а капитан про-

тянул руку в корман, еще дает ему от себя петьсот рублей вознаграждения, и он вышел из каюты.

Опять того же капитана и спросили:

– Што у тебя за музыкант, откуль ты его дастал, мы еще отроду такой игры не слыхали и, наверно, не услышим.

– Это бывший мой повар, которой приготавливал, сами знаете, обед шестнатцеть блюд. Он топерича уходит от меня.

– Да, мы не знали.

– А вот после всего этого я дал ему разрешение на трии сутки. Он сходил в город, купил гармошку и показал мне на прощанье, што он хороший игрок.

И он начал прощатъце с этими капитанами. И капитаны его дарили на прощанье, хто чем могли.

И он скрылся из глаз вместе с кошкой. Вышли оне на пристань, чорт и задумал:

– Ну, сицяс же, штобы мы возвратились на том же острову и все у нас было по-старому.

Прошло несколько часов, как уж Иван был на этом острову с чортом, уж сидел со своей жоной за столом. Вот он стал спрашивать у своей жоны:

– Ну, каково погостила, любимая моя Настасья, дома, хорошо было, скажи мне?

Она стала извинятьце и говорит ему:

– Слушай, Ваня, я тебе все скажу по души, што случилось здесь со мной на острову.

Вот она обсказала все свое положение, как ей оманула эта старуха и она поэтому улетела обратно в свое царство.

– Ну, ладно, милая моя, я тебя за это не виню, знаем мы про ту ведьму, ну уж ее топерь живой нет. Ну, все мы достали от ней, што надо, поэтому ты и вернулась обратно сюда вместе со мной. Но мы были в опасном положении, наверно, ты про это сама знаеш, как оставили вы нас на острову.

И она стояла, просила у него прощенья.

– Это не я оставила, это все старуха, и она все придумала.

Он сказал:

– Ну, ладно, это все будет прощено.

И вдруг приходит его друг. Да и вот у них пошли опять розговоры:

– Слушай, милой мой друг, топерь дай мне это свое зеркальце.

Даже не стесняетце своей жоны.

– Нет, слушай, Иван, я тебе его не даю. Если ты второй раз его потеряеш, то уж мы погибнем и назад его не достанем.

– Слушай, друг, мне оно очень нужно, мне нужно

слетать повидать отца моего, посетить и, может, его сюда привезти. А иначе я с острова попасть не могу.

Ну, он сказал:

– Ну уж ладно, ну, дам только на то время, пока ты слетаеш, штобы ты мне его потом отдал, штобы нам его второй раз не упустить.

Вот он подал ему зеркало и сказал:

– Ну, смотри, не ошибись, Ваня, береги его как можь, а топерь можеш лететь к своему отцю.

Ваня берет это зеркало, задумал, што надо лететь ему к отцю, и кряду очутился в своем селе. Заходит в отцовской дом. Зашел в дом, видит сидящего отца на стуле. Был он печален, а уж матки его не было. И работать уж он ничего не мог и все думал про сына своего:

– Где он, бедной, наверно, уж в живых нет.

А при нем жила тетушка Ивана, а его была сестра. Вот он пришел кряду, поздоровалсе.

– Здравствуй, дедушко!

– Здравстуй, здравстуй, доброй человек. Садитесь, откуда вы идете?

А он его, конечно, не узнал. Вот он сел с ним рядом и начал с ним россуждать.

– Скажи мне, дедушко, сколько тебе лет и было ли у тебя кого из семьи детей?

Вот он и говорит ему:

– Из семьи? Да у меня от роду были только сын да жона, которой уж пять лет нет как живой. А самому мне уж семьдесят лет.

– Ну, а куда, скажи мне-ка, у тебя этот сыне делсе, умер он или как?

Дедушко посмотрел ему в глаза, и сразу на глазах у него образовались слезы. Обтер глаза и говорит ему:

– Скажи мне, доброй человек, как вас звать?

– Меня зовут Иваном.

– Ну, вот, я обьесню вам про сына своего. Вот таким путем, когда мы жили еще со старухой вместе, у нас сын был тринадцети лет от роду. Сначала любила мать хорошо своего сына, а потом што-то прогневалась и совсем навидеть не стала в глаза. Потом наконец мне сказала: “Убирай своего сына куда хош, или убей, или топи, а я с ним жить не стану или сама себе сделаю смерть”. И не давала мне покою. Потом, што мне нужно было делать? Пришел к сыну и сказал: “Ну, Ваня, пойдем мы с тобой полесовать”. Сели в лодку и поехали, хотя мне и было жалко его отдать на этот остров, куда мы поехали. Этот остров был страшнейший и очень чудной, хотя мне этот остров мало приходилось видеть, но я слышал немного.

Тетушка его сидела уплаканная и слушала.

– Ну, дальше говори, дедушко.

– Когда привез на этот остров, то я пошел в одну сторону, а он в другую. Когда обошел остров, то сел я на лодку и уехал, а он остался. И не знаю с тех пор, где он, бедняжка, погиб.

Он поглядел ему в глаза.

– Так вот, дедушко, можешь ли ты признать топерича, если бы пришел к тебе сын.

Он поглядел на Ивана и сказал:

– Да где и узнать, уж тому лет двадцать, наверно, прошло, уж он стал не молодой, ему больше тридцети.

– Да как вот, дедушко, ты мне будешь отец, а я твой сын и приехал за тобой.

Дедушко стал на ноги обрадованной, бросилсе ему на шею и стал обнимать. Говорит:

– Тебя ли я вижу, мой Ваня?

– Ну топерь ты, отец, не плачь, если жалаеш, то пойдем ко мне на остров. У меня на острове хорошо, жить можно и все мне пошло на щастье, а я тебе там все расскажу свое путешествие. И вы, тетушка, если желаете, и вас заберу с собой.

То он сказал:

– Ну, Ваня, воля твоя, пойду.

И тетушка сказала:

– Ладно, все ровно, где умирать нам с братом, уж мы и пожили.

То он вынял в ту же минуту зеркало из кормана и задумал, штобы в ту же минуту очутитьце на острове. В ту же минуту был перекинут на остров вместе с отцем и тетушкой. И вдруг приходит его друг:

– Што, Ваня, вот и привез отця и тетушку забрал

старую. Вот и хорошо. Живите топерь, и невестки ващей будет хорошо, потому што ты будеш уходить куда, ей будет не скучно.

Топерь и он говорит ему:

– Ну, это все будет хорошо, но слушай, друг. Хорошо было бы, штобы ты населил людей сюда и у нас бы образовалсе порядошной город, и прописал его “Остров золота”. Вот тогда я был бы спокоен.

Ну, он тогда сказал:

– Я для тебя и это сделаю, только отдай мне обратно зеркальце и больше у меня его не проси, а для тебя всего будет.

Иван подает ему зеркало, а он сказал:

– Хорошо, через день узнаеш, што будет.

Вот прошли сутки. Тогда на другой день оне стали, то на другой день уже совсем было иначе. То уж сделалсе такой город, што и глазом не обведеш. Везде магазины, торговля, и стоял порт, и в этом порте корабли иностранные разны, и затейки заграничные в этом городу. Иван посмотрел, походил по городу и увидел надпись: “Остров золота”. Стоял один дворець и написано было на дворце. Ну, пришел Иван домой, подошел к жоны своей:

– Ну, жона, топерь уж не скучай по городу или по какому чарьству. Топерь тебе все есть. Можеш ходить, гулять по городу, а когда домой придеш, знаеш, воля тебе будет дома.

Потом начали они жить, пошли у них дети и проводить жизнь до глубокой старости.

□

*Блок материалов о Т. И. Кожевниковой-Сенькиной
подготовили Е. И. Маркова, В. П. Судаков.
Литературные вставки Е. И. Марковой.
При оформлении материала использованы
иллюстрации Т. Г. Юфа.
(Поморские сказки. Петрозаводск, 1987 г.)*